

Чернышева Анна Владимировна

КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ: ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ М. К. ПЕТРОВА

В статье дан анализ семиотической концепции культуры М. К. Петрова. Основное внимание автор уделяет рассмотрению культуры как способа социальной наследственности, подробно останавливаясь на сопоставлении разнообразных видов общения - коммуникации, трансляции и трансмутации, а также типов социального кодирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 199-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

LANGUAGE AND SELF-IDENTIFICATION

Igor' Vladimirovich Cherepanov
Department of Philosophy
Novosibirsk State Technical University
philos@fgo.nstu.ru

The author considers language entropy characteristic, studies language entropy influence on the semantic structure of representation and shows language structures and an individual's self-identification correlation.

Key words and phrases: symbol; sign; symbolic representation; self-cognition; self-identification; language; language structure.

УДК 1(091)/130.2

В статье дан анализ семиотической концепции культуры М. К. Петрова. Основное внимание автор уделяет рассмотрению культуры как способа социальной наследственности, подробно останавливаясь на сопоставлении разнообразных видов общения – коммуникации, трансляции и трансмутации, а также типов социального кодирования.

Ключевые слова и фразы: способ социальной наследственности; социокод; тип социального кодирования; коммуникация; трансляция; трансмутация.

Анна Владимировна Чернышева, к. филос. н., доцент
Кафедра «Социология и культурология»
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
Irida64@bk.ru

**КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ:
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ М. К. ПЕТРОВА[©]**

Целостность и своеобразие семиотической концепции культуры М. К. Петрова состоят в том, что сквозь призму культуры он рассматривает проблему существования разнообразных, несводимых друг к другу способов бытия и мышления Запада и Востока. Исследователь полагает, что возможность овладения наукой лежит не в области признания ее в качестве универсального способа овладения миром, а скорее в универсальности идеи перехода и преобразования культур. «Европейцы просто показали, – отмечает он, – что переход от одного типа культуры к другому, “европейскому” типу существует» [3, с. 317].

Рассматривая культуру как способ социальной наследственности, М. К. Петров определяет ее как «потомственное воспроизведение в смене кратко живущих поколений определенных характеристик, навыков, умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, т.е. всего того, что составляет социальность как таковую и без чего, если социальная наследственность исчезнет и преемственность прервется, человечеству незамедлительно придется вернуться в животное царство неорганизованных и некооперированных особей с обычными, основанными на биологическом кодировании шансами на выживание» [Там же, с. 28].

Социальная же наследственность обеспечивается двумя взаимосвязанными формами существования: 1) деятельностью и 2) знаком, выполняющим функции социального гена и способным фиксировать и неопределенно долго хранить значение. «Контакт поколений, уподобление последующего поколения предшествующему возможны лишь при опосредовании этого контакта знаком», – подчеркивает автор [Там же, с. 29].

Знаковая форма существования безлична и вневременна, она, по сути – знание, понятое как обобщенная, типизированная и свернутая для передачи новым поколениям запись видов социально необходимой деятельности. Именно знаковая форма создает то, что М. К. Петров называет ментальностью. Сопряжение между ней и деятельностью как раз и обнаруживает внутреннюю пружину – двухполюсность – культуры. Поскольку любой субъект всегда существует раньше собственной деятельности, постольку процесс включения индивидов в социальную деятельность (путем воспитания) приобретает отчетливую структуру последовательности: знание – индивид – деятельность [Там же, с. 30-31].

Исследователь отмечает необходимость фрагментации социальной и культурной информации по контурам вместилища (в его сознании, памяти, воображении) в посильные для человека части, а затем интегрирования этих частей в новое целое. Речь идет о связи общего (ума) и возможностей индивидуального социокода. Это означает преобразование основ современной семиотики. Мерка индивида или субъекта оказывается тем критерием, который дает возможность понять, как структурируются в различных типах культуры формы перевода общезначимого смысла в особые для каждой культуры ячейки, ведущие и к изменению форм общения.

Функционирование социокодов обеспечивается разнообразными видами общения – коммуникацией, трансляцией и трансмутацией.

Коммуникация – это «координация деятельности» живущего поколения людей, прошедших процедуры социализации и унаследовавших определенный фрагмент знания. Коммуникация функционирует между сторонами общения с высокой степенью знания (условие осмысленности общения) в режиме отрицательной обратной связи. Она «возникает там и тогда, где и когда обнаруживается рассогласование между тем, как оно есть, и тем, как ему должно быть, с точки зрения принятой и зафиксированной в социокode нормы». Коммуникация «работает на закрепление и стабилизацию реалий социокode, на их притирку и подгонку, на поддержание и сохранение однозначных соответствий между массивом знания и миром деятельности» [Там же, с. 41].

Трансляция – это «общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих институтов и механизмов». Трансляция функционирует в режиме обучения, в котором степень подобия сторон низка (воспитатель – воспитуемый, старший – младший, учитель – ученик). В европейской культуре трансляция осуществляется посредством «сжатия» знаний в теории, в восточных культурах – через непосредственное участие в деятельности и в преимущественно устной коммуникации [Там же, с. 43–44].

Трансмутация – это «все разновидности общения, в результате которого в социокode, в одном из фрагментов и в соответствующем канале трансляции появляются новые элементы знания или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то, и другое» [Там же, с. 46]. Европейскому типу культуры этот тип общения известен как научное познание, и акцент в нем ставится на открытии и изобретении.

Отношение людей друг к другу и к природе включает, во-первых, общение как согласование деятельности (коммуникацию) и, во-вторых, общение как передачу опыта (трансляцию). В процессе своей жизнедеятельности каждый человек создает собственный мир, отличающийся от мира первозданной природы, – мир культуры. Главными приметами этого мира являются язык и мышление, а также огромное количество всевозможных знаковых систем, благодаря которым и осуществляется межличностное общение, опосредуются отношения человека и природы, осуществляется преемственное движение социальности в смене поколений, происходит творение истории.

Социальность всегда выступает в виде структурной целостности форм деятельности, институтов и ролевых наборов и единственным средством, способным привести эту структуру в движение, обеспечив при этом наследование социальной сущности, при этом знак выступает как носитель социальной памяти и средство ее трансляции. Согласно М. К. Петрову, социальность всегда представлена в виде знака и деятельности, а для того, чтобы подчеркнуть специфику социального кодирования, следует различать два вида общения относительно знания – трансляцию (как обучение по схеме «учитель – ученик») и трансмутацию (как процесс изменения наличной суммы обстоятельств с акцентом на объяснении полученных результатов). И если цель трансляции – социализация индивида, то цель трансмутации – накопление новых качеств, способных изменить существующие обстоятельства.

Знаковые системы человека кардинально отличаются от того набора знаков-звуков и знаков-жестов, которые встречаются среди животных. Весь животный мир (без исключения) передает накопленный предшествующими поколениями массив знаний и навыков по биокоду; в человеческом же сообществе любого типа культуры процесс трансляции «суммы обстоятельств» осуществляется при помощи знаковых систем – социокode. Дело не столько в том, что в животном мире отсутствует использование в общении графики, сколько в присутствии в человеческом общении индивидуальных адресов. Любой элемент «мира знания нуждается в имени человека, чтобы появиться на свет и начать существовать для человека. Они, эти элементы, как боги мифа, рождены для бессмертия, рождены усилиями смертного человека» [2, с. 53]. Способы человеческой жизнедеятельности в различные исторические эпохи и в различных культурах объясняются различием в процессах социального кодирования, отличающихся в каждом конкретном случае своими целями, средствами и результатами.

Решение проблемы передачи культурного наследия приводит М. К. Петрова к необходимости разобраться в соотношениях уникального и повторяющегося, творчества и репродукции, канона как грамматики творчества и закона как демиурга повтора. Он ищет формулу нормирования уникального, введя для этого внутрь пары «творчество – репродукция» промежуточный термин, названный им «*творчество репродукции*». При этом он подчеркивает, что *репродукция* – это «основной тип биологической и социальной деятельности, на котором держится все то, что мы называем реальностью, деятельностью, определенностью, объективностью, законом, системой». Ее смысл состоит в «количественном умножении одних и тех же по качеству схем для того, чтобы получить серию одинаковых результатов», а основная функция – в «производстве для потребления» [1, с. 15], т.е. в установке на количество. Результатом репродуктивной деятельности является продукт.

Творчество, прежде всего, представляет собой ряды различий, в которых ни один элемент не повторяет предшествующие. Оно направлено на умножение качества. Творчество – это область действия канона. Канон же – не программа, а скорее приглашение к творчеству. Произведение не выводимо из канона, однако канон необходим при создании произведения. При тиражировании любое произведение может превратиться в продукт. Это означает, что, во-первых, любой репродукции предшествует творчество, а, во-вторых, что границей между творчеством и репродукцией является запрет или плагиат.

Для того чтобы обнаружить связь между двумя видами творчества, М. К. Петров и вводит своего рода промежуточный феномен – *творчество репродукции*, в котором, как он пишет, «человек выступает уже

сформировавшимся творцом истории, уже подготовленным к творчеству, к отчуждению в мир природы своих репродуктивных функций, т.е. выступает как родовое, преемственно развивающееся из античности в современность историческое понятие, не подвластное ни рождению, ни смерти, ни другим случайностям судьбы» [Там же, с. 162]. Этот этап созидания позволяет не замкнуться на репродукции, а перейти в нее в процессах творческого обновления.

В соответствии с типами кодирования М. К. Петров выделяет соответствующие им три типа культуры: лично-именную, профессионально-именную и универсально-понятийную.

В основе *лично-именного кодирования* лежит личное имя, которое одновременно является и матрицей сегментации мира и знака, и способом социализации одного индивида. Такое кодирование характерно для первобытного общества, в котором имена – это закодированные типизированные ситуации – программа социальных ролей и обязанностей индивида-носителя имени и правила его поведения. Индивид-мужчина движется здесь по именам своих предшественников, последовательно проходя три этапа: а) универсального воспитания (детское имя), б) специализированной деятельности (взрослое имя) и в) заключительный этап – специализация по воспитанию (стариковское имя). Носители взрослых имен обеспечивают функционирование социальной деятельности, старцы – хранение и трансляцию знаков-навыков. Знание подвижно: оно убывает как результат забывания и наращивается как удачный поступок носителя имени, что закрепляется благодаря многократной имитации и ритуальным действиям. Весь этот процесс осуществляется благодаря возможностям человеческой памяти, которые, в свою очередь, ограничиваются физическими и ментальными способностями конкретных индивидов. В данном обществе развитие принимает вид роста численности имен – адресов распределения, однако их число не может превышать возможностей памяти индивида.

Профессионально-именное кодирование – массовое (в отличие от лично-именного кодирования) программирование индивидов в одно имя, свойственное традиционным обществам Востока, основа которых – земледелие или скотоводство. Профессиональные знания транслируются здесь в рамках семьи, а навык универсально-всеобщих отношений с другими семьями индивид усваивает уже, будучи взрослым. Условием такого кодирования является «наличие большого числа типизированных ситуаций индивидуального социально значимого действия, которые могут стать основанием типизации индивидов в массовую группу-профессию» [Там же, с. 106]. Это технологическое условие начинает выполняться с появлением земледелия, требующего профессионально выученной массы людей, а затем воплощается и в других профессиях – ремесле, управлении, защите населения. Данный способ социального кодирования уже не ограничивается лишь рамками семьи и памятью отдельной человеческой головы. Профессиональные навыки теперь имеют количественный код, существующий, к примеру, в виде мифа, представляющего собой развернутый технологический рецепт изготовления какой-либо вещи.

Оба рассмотренные нами типа социального кодирования имеют одну и ту же принципиальную основу: в обоих случаях социально-необходимое знание распределяется по числу конечных имен и вместимости индивидов. Правда, в первом случае конечным адресатом социально-необходимого знания выступает индивид, а во втором – профессиональная группа или каста. Увеличение массива социальных знаний в условиях традиционного кодирования (если превышаются ментальные возможности индивида) возможно лишь в виде расплывчатости профессий, т.е. «развитие в его традиционном понимании есть движение в специализацию» [2, с. 73]. Однако такое движение не бесконечно. Рост числа профессий порождает увеличение объема деятельности по управлению. Нарастание сложности социальной структуры неизбежно приводит общество к столкновению с внутренними и внешними помехами.

«Каждое традиционное общество неизбежно достигает “предела развитости”, – отмечает М. К. Петров, – и гибнет, чтобы начать все сначала. История великих традиционных цивилизаций дает именно такую картину; достаточно вспомнить царства Египта и Двуречья» [4, с. 68]. Наступление предела в развитии традиционного общества неизбежно, поскольку до 80% его членов, как правило, занято сельскохозяйственным трудом, и лишь не более 15-20% граждан остается для существования и развития других профессий. В результате чего традиционное общество с его профессионально-именным способом кодирования неизбежно сталкивается с преградой дальнейшего развития социального знания еще и потому, что умножение профессионального знания не находит «свободных» индивидов, вследствие чего не только резко уменьшается социальное знание, но и исчезает целый ряд навыков.

Универсально-понятийное кодирование «связано с дифференциацией физического и умственного труда, т.е. с расщеплением единого прежде (коллективного или индивидуального) субъекта деятельности на программирующую и исполнительную составляющие, каждая из которых институционализируется, становится социально значимой и социально санкционированной ролью индивида» [1, с. 145].

Колыбелью универсально-понятийного кодирования исследователь считает Средиземноморский бассейн с его особенными природно-географическими условиями. Это – Эгейский бассейн, в котором в XX–IX вв. до н.э. происходит процесс деградации социального, сопровождающийся переходом от лично-именного и профессионально-именного кодирования к универсально-понятийному. «Падают емкости социальных единиц: Пилос на порядок меньше Кносса, “дом” Одиссея – автономная социальность гомеровской эпохи – насчитывает около сотни подданных. Деградирует строительное искусство: дворец Одиссея – жалкая лачуга по сравнению с дворцом Кносса или даже Пилоса. Подвергаются редакции и исчезают многие навыки и соответствующие профессии: ремесло писаря, например, хотя еще в Пилосе в момент его гибели было около

30 писарей. Появляются “совмещенные” люди-универсалы типа Одиссея – царя, пирата, воина, навигатора, плотника, пахаря, хотя вообще-то ему, как “работнику Афины”, полагается быть плотником» [2, с. 73].

Главный вопрос здесь заключается в причине деградации социальности традиционного общества, а также в причине затяжного самоубийства социальности древних греков. Разрушителем традиции и одновременно строителем новых форм социальности, по мнению М. К. Петрова, является многовесельный корабль «пентекотер». Более двух с половиной тысяч островов Эгейского моря и тысячи кораблей, морской разбой и необходимость защиты от него послужили началом универсально-понятийного способа социального кодирования деятельности. Начинается поиск нового способа производства и освоения культуры.

Местом рождения новой культуры с универсально-понятийным кодом становится палуба корабля Одиссея. «Корабль потребовал другого распределения профессий: за спиной каждого беззащитного земледельца должен был встать ремесленник, воин, чиновник, правитель, писарь. Совмещение профессий и переход профессиональных навыков в личные становился в этих условиях навязанной экономической необходимостью, условием выживания в новой ситуации» [Там же, с. 71]. В послегомеровскую эпоху, согласно М. К. Петрову, начинается процесс ввода человека в социальность через идею всеобщего. «Человек здесь разделен на частное и всеобщее. В области личного он может быть кем угодно: пахарем, плотником, кузнецом. В области всеобщего и безличного он обязан быть гражданином и воином. Эта сущностная триада человека – гражданин, воин и носитель специализированного навыка – есть ключевая структура универсального способа кодирования...» [Там же, с. 74].

Именно здесь появляется безличный знаковый регулятор всех человеческих отношений закон-номос. При таком распределении функций все воли и умения отчуждены во власть одного, а деятельность предоставлена группе исполнителей. Таким способом образовавшаяся власть программирует государственное общее дело через равно обязательный для всех закон. У законодательной деятельности могут быть два основания: 1) образцовые деяния великих людей (законодателей) прошлого и 2) логика (языковые универсалии) для теоретических представлений текста.

М. К. Петров обращает особое внимание на процесс образования индивидуального знания из знания, имеющего авторство, которое и составляет его собственный – опознавательный – признак. Происходит переход на личностные позиции, и нормальным состоянием оказывается творчество. «Тот факт, – считает ученый, – что акты речи, устной или письменной, обнаруживают близкую... структуру изменения смысла, сдвига значения, обновления, может свидетельствовать только об одном: творчество всегда было и всегда остается с нами. Любой человек, владеющий любым языком, не только способен к творчеству, но фактически приговорен к нему. Всякий раз, когда он выступает в роли говорящего, он волей-неволей вынужден действовать по правилам трансмутационного акта общения – творить новый смысл и изменять наличный» [1, с. 82-83].

Характеризуя универсально-понятийный тип освоения достижений культуры с помощью знаковых механизмов, М. К. Петров сосредотачивает свое внимание на анализе науки и образования и приходит к выводу, что за время своего существования наука доказала: она – высший продукт общечеловеческой истории. По масштабам воздействия на мир наука представляет собой глобальный феномен, который оценивается как безусловное благо, тогда как зло – всего лишь тень, порождаемая несовершенством нашего ума и произволом различных властных инстанций.

Список литературы

1. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. М., 1995.
2. Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.
3. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 1990.
4. Петров М. К. Язык и категориальные культуры // Науковедение и история культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1973.

CULTURE AS A WAY OF SOCIAL HEREDITY: K. PETROV'S PHILOSOPHY OF CULTURE

Anna Vladimirovna Chernysheva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Sociology and Culturology
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
Irida64@bk.ru

The author analyzes M. K. Petrov's semiotic conception of culture, pays special attention to culture consideration as a way of social heredity and elaborates on different communicating types comparison – communication, transmission and transmutation as well as social coding types.

Key words and phrases: way of social heredity; social code; social coding type; communication; translation; transmutation.